

УДК 130.2
DOI 10.18522/2227-8656.2023.4.4
EDN SJTCFT

Обзорная статья

ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: СУБЪЕКТНЫЕ УРОВНИ, ОПЕРАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ТВОРЧЕСКИЕ ПРОДУКТЫ

COGNITIVE CULTURE: SUBJECTIVE LEVELS, OPERATIONAL MECHANISMS AND CREATIVE PRODUCTS

*М. И. Билалов **

*Mustafa I. Bilalov **

** Дагестанский государственный
университет
Махачкала, Россия*

** Dagestan State University
Makhachkala, Russia*

Цель исследования – обзор основных авторских идей и публикаций по формированию понятия «познавательная культура».

Objective of the study is to review the main author's ideas and publications on the formation of the concept of «cognitive culture».

Методологическая база исследования представляется как авторская концепция с рядом составляющих логически взаимосвязанных вопросов осмысления субъекта познания, типов, родов и видов познавательной культуры, ее взаимосвязи с проблемой истины.

The methodological basis of the research is presented as an author's concept with a number of components of logically interrelated issues of understanding the subject of cognition, types, genera and types of cognitive culture, its relationship with the problem of truth.

Результаты исследования. Указанием на свои многочисленные публикации – автор статьи утверждает, что уточнение субъектных метрик в современной науке и культуре затруднительно как сложностью вычленения индивидуального сознания из коллективного, так и экзистенциализацией субъектных операций, в которых предельно максимизируется человеческий интерес. Субъектные метрики в ряде публикаций разворачиваются, как утверждает автор, как расщеплением целостного субъекта, так и его идентификационным размыванием в результате децентрации культуры и познания. В творчестве

Research results. Pointing to his numerous publications, the author of the article argues that the refinement of subjective metrics in modern science and culture is difficult both by the complexity of isolating individual consciousness from collective consciousness and by the existentialization of subjective operations in which human interest is maximally maximized. Subject metrics in a number of publications unfold, according to the author, both by splitting the integral subject and its identification blurring as a result of the decentralization of culture and cognition. The author's work traces the dynamics of the subject

автора отслежена динамика субъекта в его эпистемологических и гносеологических срезах от «элиминации субъекта» до «смерти субъекта».

Классификация на рациональные и иррациональные типы познавательной культуры, по мнению автора статьи, продуктивно в уточнении связи истины и знания, обосновании идеи о дознаниевом и внезнаниевом бытии истины, что немаловажно для определения истины. Выявление комплексного влияния субъектных уровней, операционных механизмов и их творческих продуктов на конкретно-исторические интерпретации истины позволяет установить соответствие той или иной разновидности познавательной культуры известным концепциям истины.

Перспективы исследования. В результате философско-понятийное осмысление истины вполне корректно допустимо в рамках методологии полилога познавательных культур.

Ключевые слова: познавательная культура, субъект, рациональное, иррациональное, истина, методология философии истины.

in its epistemological and epistemological sections from the «elimination of the subject» to the «death of the subject».

Classification into rational and irrational types of cognitive culture, according to the author of the article, is productive in clarifying the connection between truth and knowledge, substantiating the idea of inquiry and extrantion of the existence of truth, which is important for determining the truth. The identification of the complex influence of subjective levels, operational mechanisms and their creative products on concrete historical interpretations of truth makes it possible to establish the correspondence of one or another kind of cognitive culture to the known concepts of truth.

Prospects of the study. As a result, philosophical and conceptual understanding of the truth is quite correctly permissible by the methodology of the polylogue of cognitive cultures.

Keywords: cognitive culture, subject, rational, irrational, truth, methodology of philosophy of truth.

Введение

Данная научная обзорная статья рассчитана на знакомство философского сообщества с понятийным оформлением термина «познавательная культура». Претендуя здесь на авторство, трудно не впасть в банальный самопиар, и потому предлагаемая в авторитетный журнал философской науки статья по содержанию и форме предстает в необычном жанре. Ее идея и совокупность формальных и содержательных особенностей как обзорной статьи у автора возникла после необходимости присмотреться на два-три десятилетия части своего творчества как на некую связную и содержательную целостность. О состоятельности такого взгляда – судить читателю.

Понятийное содержание термина «познавательная культура»

Его формирование в моем авторском творчестве началось с докторской диссертации «Многообразие форм существования истины в совокупном познании». Речь идет о своеобразном габитусе (Bourdieu, 1990. P. 52) в познавательной деятельности человека – о совокупности принципов, методов, средств, традиций и т. п., культивируемых в духовной и интеллектуальной

деятельности по достижению истинного знания. Для других видов духовной жизни давно понятийно оформились и укоренились в общественном сознании эстетическая, политическая, этическая и т. п. культуры. Указанная совокупность не обладает строгим характером какой-либо матрицы мышления. В ее общих контурах аккумулярованы мыслительные и оценочные стратегии с операционными механизмами, познавательный умственный настрой социума, подтверждающийся уже в последующих аффирмациях в виде психологических установок на практическую деятельность по определенному вектору. Эту размытую и неявную матрицу я пытаюсь осмыслить лет тридцать – в ряде моих статей в содержании термина «познавательная культура» перекликались близкие понятия культура мышления, логика мышления, культура познания и т. п., совмещающие сознательные и бессознательные, рациональные и иррациональные элементы, составляющие стратегию познания (Билалов, 1990. 176 с.; Билалов, 1992. 113 с.; Билалов, 1993. 88 с.; Билалов, 1999. С. 246–248; Билалов, 2001. С. 289–296; Билалов, 2004. С. 65–68 и др.). И как промежуточный итог исследований термин «познавательная культура» более и менее законченную структурность и понятийное оформление получил в Международном энциклопедическом словаре «Глобалистика» (Глобалистика, 2006. С. 691).

Субъектные уровни

Параллельно уточнялись субъектные уровни познавательной культуры, которыми характеризовалась динамика реального субъекта культуры с его эпистемологическими и гносеологическими срезами, начиная от «элиминации субъекта» и завершая современными реминисценциями «смерти субъекта». В истории культуры субъект проходит множество этапов своей динамики, но можно выделить, как это сделал М. Фуко, три основные эпистемы: ренессансную, классическую и современную, которые соответственно состоят из трех матриц субъектности: премодерн, модерн и постмодерн (Фуко, 1977. С. 488).

Но эпистем субъекта множество – в одной только относящейся к науке познавательной культуре известны индивидуальный, эмпирический, всеобщий, трансцендентальный, коллективный, «роевый» и т. п. субъекты. Но даже то обстоятельство, что, скажем, эмпирический и трансцендентальный субъекты – вовсе не различные автономные, не связанные друг с другом субъекты познания, а, скорее, гносеологические срезы одного и того же – реального субъекта познания, продолжает осознаваться столетия спустя после этих метрик субъекта. Вполне устоявшимися зафиксированными можно считать их разные аспекты: эмпирический субъект отражает мир со стороны единичности, уникальности, неповторимости; трансцендентальный же субъект – со стороны всеобщности и необходимости. Та же проблема в транскрип-

ции коллективного субъекта ныне в философии развивается через метафору «роевого Я» и «роевого сознания», введенной В. Гибсоном (Gibbson, 1994). Ее концептуализация в «роевый субъект» рассматривается не как сочетание множественного и единичного, но как особая организация множественного, не нуждающейся в системном единстве (Делёз, 1998. С. 182).

В современной методологии науки кантовская идея трансцендентального субъекта и попытки понятийного выхода на «роевый субъект» усугубляются эпистемологическими тенденциями идентификации автора, которая даже в экспериментальном естествознании при всей его научной строгости указывает на потерю целостности и фрагментаризацию сущности субъекта. Профессор Гарвардского университета П. Галисон обращает внимание в этой связи на коллективы-коллаборации, в которых весьма затруднительно идентифицировать авторское индивидуальное сознание, и заключает, что «вполне может быть, что экспериментальное знание в эпоху массивных коллабораций никогда больше не вернется к единому центру» (Галисон, 2018. С. 110).

Уточнение субъектных метрик затруднительно не только из-за сложности вычленения индивидуального сознания из коллективного. Современный интервал науки предельно расширяется от «элиминации субъекта», ориентированной на раскрытие объективного содержания познаваемого предмета, до всевозможных экзистенциальных, например, экономических субъектов, в которых живой импульс человеческого интереса проявляется максимально. И потому субъектные метрики в ряде наших публикаций разворачиваются не столько как расщепление целостного субъекта, сколько как его идентификационное размывание в результате децентрации культуры и познания. Но идентификационное размывание всё же относимо к человеку как личности, и кризис идентичности, о котором ныне много говорят, имеет свой оборотный позитив – значительно возрастает степень ступеней свободы субъекта, когда субъектность человеческого «Я» определяется лишь набором случайных, временных идентификаций субъекта (Лакан, 1999. С. 194).

Эти идеи были оправданы и основными в работах: Билалов М. И. Субъектность познания и познавательная культура // Наука. Философия. Общество. Материалы V Российского философского конгресса. Том 1. Новосибирск: Параллель, 2009. С. 74; Билалов М. И. От единичного и уникального до всеобщего и универсального // Гуманитарий Юга России. 2015. № 2. С. 90–99. Плодотворным для меня было приобщение к теоретическим семинарам проф. В. Е. Лепского, подытоженное в статье (Субъектный характер познавательной деятельности и его влияние на гуманитарные технологии // Рефлексивные процессы и управление. М., 2013. С. 62–65).

Современный субъект познания становится подлинно человекомерным и коллективным, предельно обогащенным субъектными параметрами. Такой субъект в своих когнитивных установках наследует устремленность

классической науки к достижению объективного знания, фиксирует акцент неклассической науки на статистических особенностях познаваемого и специфику постнеклассического типа субъекта с децентрализованным клиповым сознанием. При этом доля характеристик предшествующих эпох неизменно сокращается в познавательных возможностях субъекта за счет доминирования в нем ценностного плюрализма в сочетании с растущим прагматизмом, ситуативной этикой и религиозностью, технологической ментальностью. Такая «сборка» субъекта не противопоставляет в социуме личность обществу, ее свободу и права интересам государства, не абсолютизирует коррелирующий с индивидуализмом целый ряд либеральных ценностей. В какой-то мере итоговой в выводах о субъектных уровнях познавательной культуры представила статья: Билалов М. И. Радикальный конструктивизм в контексте современных субъект-объектных отношений // Научная мысль Кавказа. Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФУ. 2016. № 1. С. 15–20).

Виды и типы познавательной культуры

Способности субъекта к разнообразию творческих и продуктивных результатов в общественном и индивидуальном сознании предстают как операционные механизмы в познавательной деятельности. Ими обусловлены разновидности познавательной культуры, для осмысления сути и содержания которой убедителен делёзовский принцип понимания культуры как культуры взаимного различения, исключающего однообразие и повторение. Субъектные уровни познавательной культуры позволяют осмысливать множество половозрастных (мужская, женская, детская, молодежная, ... познавательные культуры), цивилизационных (восточная, западная, христианская, буддийская, евразийская и т. п.), этноконфессиональных (немецкая, русская, дагестанская, мусульманская) и т. п. познавательных культур. Этот ракурс изучения феномена познавательной культуры начинается со статей: Билалов М. И. О типах и видах познавательной культуры // Успехи современного естествознания. 2009. № 7. С. 30–32; Билалов М. И. Детерминанты познавательной культуры // Вестник НГУ. Серия: Философия. Новосибирск, 2009. Том 7, выпуск 3. С. 28–33; и др.

Наибольшее внимание выпало на национальные и религиозные рода познавательной культуры. Их содержательное развертывание излагалось мною на всероссийской конференции (см. об этом: Билалов М. И. Векторы становления и осмысления российского самосознания (обзор конференции) // Вопросы философии. 2015. № 11). Основательное дифференцирование познавательной культуры на этноконфессиональные разновидности началось со статьи в том же авторитетном журнале: Билалов М. И. Гносеологические идеи в религиозном сознании // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 177–180, – хотя подход намечался и в более ранних публикациях, скажем: Билалов М. И.

Познавательная культура как феномен национального самосознания // Этнические процессы накануне XXI века. Ставрополь, 1998. С. 38–40. Влияние познавательной культуры на разные аспекты самосознания, ее религиозные и этнические компоненты, исторические перипетии рассматривались в монографиях: Биалов М. И. Суфизм и познавательная культура. Махачкала, 2003; Биалов М. И. Гносеологические идеи в структуре религиозного сознания. М., 2003; Биалов М. И. Цивилизационные метаморфозы познавательной культуры. М., 2008, в публикациях: Биалов М. И. Элементы познавательной культуры в исламе и христианстве // Философия и современность: мысли, понятия, идеи. Уфа, 1999. С. 169–176; Биалов М. И. Новый рационализм как симптом сближения западной и восточной познавательной культуры // Россия и Запад: проблемы и перспективы взаимодействия. Краснодар, 2009. С. 125–130. За два три десятилетия творчества сочетаниями противоположных векторов мышления – дивергентного и конвергентного – познавательная культура обрела целостность в более или менее гармоничном единстве своих различий.

Политико-практическую актуальность в те годы приобрело влияние ислама и его мистической разновидности, характерной для региона Северного Кавказа – суфизма, на познавательную культуру. Индивиды и социумы действуют так, как мыслят. Этноконфессиональная и политическая напряженность и интеллектуальные причины экстремистских умонастроений в регионе получили посильное автору объяснение в ряде работ: Влияние ислама и суфизма на познавательную культуру // Исламоведение. 2012. № 3. С. 23–34; Socio-cultural conditionality of knowledge as specifics of cognitive culture // XXIII World Congress of Philosophy. Philosophy as Inquiry and Way of Life. Abstracts. Athens 04 August 2013. P. 71-72; Ethno-Cultural and Religious Grounds for Cognition and Education // Proceedings of the 2016 International Conference on Arts, Design and Contemporary Education, volume 64. Moscow, 2016. P. 1159-1163 Религиозное познание в культуре постижения истины // Исламоведение. 2017. Т. 8. № 2 (32). С. 19–27 и др.

Рациональное и иррациональное в познавательной культуре

Одним из способов раскрытия глубинной сущности познавательной культуры предстает ее родовая и типовая классификация. Человеческое познание формирует не только сознательные стереотипы, но аккумулирует и архетипы коллективного бессознательного, также ориентирующие весь мыслительный процесс. Упрощенное в логическом и рациональном разнообразии и функционально-содержательное богатство интуиции, фантазии, воображения, озарения и т. п. бессознательных, аффективных и эмоциональных потенциалов сознания было до поры до времени предано эпистемологией забвению. Двоякого типа матрицы мышления – рациональные и иррациональные мыслительные и оценочные стратегии, определяющие весь познавательный настрой человека

и общества, а также их практические действия исследовались в следующих выступлениях и статьях: Билалов М. И. Размышления об иррациональном // Вестник ДГУ. Экономика. Право. Философия. 2002. Вып. 2. С. 87–90; Билалов М. И. Бессознательное в творчестве истин // Россия и Восток. Феномен сознания: интегральное видение. Астрахань, 2004. С. 105–106; Билалов М. И. Нерациональное и иррациональное в творчестве истинных знаний // Вестник ДГУ. 2009. Вып. № 5. С. 164–169; Билалов М. И. Краткая аннотация выступления: «Роль познавательной культуры в диалоге рациональностей» // Лекторский В. А. Круглый стол «Диалог рациональностей» во время Всемирного дня философии в Москве (17–18 ноября 2009 г.) // Эпистемология и философия. Институт философии Российской академии наук. 2010. Т. XXIV, № 2. С. 212; Билалов М. И. Иррационализация познавательной культуры и ценность истины // Истина как ценность и проблема истинных ценностей в современной российской культуре. Санкт-Петербург, 2011. С. 112–123; Билалов М. И. Истина и рациональность в современной познавательной культуре // Поиск истины в пространстве современной культуры: сборник научных статей / под ред. О. Д. Маслбоевой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. С. 70–78; и др.

Значимым творческим результатом рассматриваемых изысканий представит тематический раздел **«Познавательная культура и истина»**. Собственно, исследование истины (являющееся эпицентром моих полувековых научных интересов) было исходным в осознании необходимости обращения к термину познавательная культура. Установочной стала статья: Билалов М. И. Зависимость познавательной культуры от толкования истины // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2011. № 2. С. 3–8. Но ницшеанское «вечное возвращение», похоже, методологически значимо не только для общественного сознания, но и на индивидуальном уровне. По мере понятийного обогащения и становления познавательной культуры авторские интерпретации истины как ключевой гносеологической и эпистемологической категории претерпевали позитивные метаморфозы.

Заостренное научное внимание на двух родах познавательной культуры – рациональной и иррациональной – оказалось продуктивным в уточнении связи истины и знания, что немаловажно для определения истины. В период работы над своими кандидатской и докторской диссертациями и в последующие годы моей плодотворной рабочей гипотезой стала идея о дознаниевом бытии истины. В ряде публикаций я отстаиваю внезапное бытие истины, расширяя ее эмпирическое поле за счет бессознательного и неосознанного. Лишь десятилетия спустя моя философская неосведомленность смутила меня обнаруженной у Фуко созвучной идеей. Вот как формулирует ее Д. Голбородько. Фуко обнажает процедуры открытия истины, ее неоднозначную динамику: «значимая для той или иной эпохи истина располагается не только

в измерении знания, но производится в отличных от знания областях, и существуют сложные процессы образования истины по ту сторону знания и проникновения ее уже непосредственно в саму эту сферу» (Голобородько, 2011. С. 38). К справедливости сказать, мои дознаниевые и внезнаниевые истины обоснованы в структуре самого научного познания, тогда как Фуко всё же имеет в виду отличные от знания области.

Мною предлагается концептуальная схема познания, согласно которой истина представляется как эвентуальное знание, а знание – как обретение истины, выдвинуты гипотезы о невербальной, довербальной и т. п. формах истины, о бифункциональности ее критерия, что уточняет соотношения истины, знания, убеждения, веры и др. познавательных форм (Билалов М. И. Дж. Локк о соотношении истины и знания // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. Философия. 1984. № 2. С. 61–68; Билалов М. И. Многообразие форм существования истины и проблема ее интерпретации // Философские науки. 1991. № 12. С. 93–99; Билалов М. И. Истина как эвентуальное знание // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия. III Российский философский конгресс. Т. 1. Ростов-на-Дону, 2002. С. 107–108; Билалов М. И. Критерий истины и критерии заблуждения // Философия и будущее цивилизации. Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. Т. 1. М., 2005. С. 65–66; Truth between opinion and knowledge. From Plato up to a Postmodernism // XXII World Congress of Philosophy. Rethinking Philosophy today. Abstracts. Seoul, Korea, 2008. P. 63–64; Билалов М. И. Существуют ли довербальные и невербальные истины? // Международный журнал экспериментального образования. 2010. № 7. С. 133–134; и др.). Могу приветствовать утверждение, которое опубликовало солидное издание: «существует множество истинных суждений, которые не являются знанием» (Куслий, 2008. С. 94).

Целый ряд выступлений на научных форумах и публикаций позволили выйти на новый – методологический – уровень в развитии авторской концепции истины: «Философия истины на перекрестке познавательных культур». Что есть истина : тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции (г. Махачкала, 6–7 сентября 2013 г.) / под общ. ред. д-ра филос. н., проф. М. И. Билалова. Махачкала: Издательство ДГУ, 2013. С. 63–90; Пленарный доклад на Российском конгрессе «Философия истины в коммуникативном пространстве познавательных культур» // Философия, толерантность, глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений. Тезисы докладов VII Российского философского конгресса (г. Уфа, 6–10 октября 2015 г.) Том I. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 67–68; Билалов М. И. Концепции истины в пространстве познавательной культуры // Поиск истины в пространстве современной культуры: сборник статей / под ред. О. Д. Маслобоевой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. 9–14 с.; Билалов М. И. Философия истины в коммуникативном пространстве познавательных культур // Вестник РФО. 2016. № 1. С. 10–12;

Билалов М. И. Проблемы истины и рациональности в познавательной культуре постмодерна // Научная мысль Кавказа. 2016. № 3. С. 25–30; Билалов М. И. Методология полилога познавательных культур в понятийном осмыслении истины // Поиск истины в пространстве современной культуры. Сборник научных статей. СПб., 2016. С. 58–63; Билалов М. И. Полилог познавательных культур в методологии философии истины // Поиск истины и правда жизни в пространстве современной культуры: сборник научных статей / под ред. О. Д. Маслбоевой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 35–39; Билалов М. И. Полилог познавательных культур как методология философии истины // Логика, Методология, Науковедение: Интеллектуальные Практики, Стратегии и Паттерны. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 16–19 мая 2019 г.) В двух томах. Том 1. Пленарные доклады и Раздел Логика. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019. С. 49–58; и др.

Всесторонний анализ познавательной культуры вместе с субъектными уровнями, операционными механизмами и производимыми ими творческими продуктами позволил выявить их комплексное влияние на разнообразные интерпретации истины. Речь идет, по существу, о методологической функции той или иной разновидности познавательной культуры в отношении определенной концепции истины. И общее философско-понятийное осмысление истины предстала как методология полилога познавательных культур. Иначе говоря, полилог познавательных культур оказывается достаточно эффективной методологией философии истины. Так же, как «консенсуальный подход к решению проблемы научной истины» «полностью совместим с концепцией многофакторной детерминации процесса научного познания: объектной, социальной, культурной, исторической, мировоззренческой, личностной» (Лебедев, 2015. С. 63). Впрочем, вышеизложенный тематический раздел «**Познавательная культура и истина**», развернутый в самостоятельную проблематику, только что вышел в виде статьи: Билалов М. И. Познавательная культура и представления об истине // Вопросы философии. 2023. № 9. С. 45–49.

Под моим руководством в Дагестанском государственном университете с 1997 года функционирует научная школа «Место познавательной культуры в духовной жизни общества». Несмотря на определенную известность деятельности научной школы, основных публикаций по данной теме, а также выход в свет обобщающей монографии «Постижимость истины: уловимость, объяснимость, выразимость» (Махачкала, 2017. 376 с.), на которую была солидная рецензия (Гуревич, 2018. С. 5), я предпринял попытку ознакомить научное сообщество с более или менее целостным представлением о «познавательной культуре», которое вылилось в адресованной для журнала «Гуманитарий Юга России» статье в достаточно развернутый обзор моего творчества за последние десятилетия.

Список источников

Биалов, М. И. Истина. Знание. Убеждение / М. И. Биалов; Отв. ред. А. Л. Никифоров; Сев.-Кавк. науч. центр высш. шк., Даг. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1990. – 172 с. – ISBN 5-7507-0482-3.

Биалов, М. И. Проблемы истины в познавательной культуре: Учеб. пособие / Даг. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Махачкала: Изд-во Даг. ун-та, 1992. – 114 с.

Биалов, М. И. Культура постижения истины / М. И. Биалов. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1993. – 85 с. – ISBN 5-297-00991-X.

Биалов, М. И. Познавательная культура: сущность и содержание / М. И. Биалов // Достижения и современные проблемы развития науки в Дагестане. Махачкала, 1999. – С. 246–248.

Биалов, М. И. К моделированию понятия «познавательная культура» / М. И. Биалов // Достижения и современные проблемы развития науки в Дагестане. – Махачкала, 2001. – С. 289–296.

Биалов, М. И. О содержании и сущности познавательной культуры / М. И. Биалов // Труды членов РФО. Выпуск. 9. – М., 2004. – С. 65–68.

Биалов, М. И. Векторы становления и осмысления российского самосознания (обзор конференции) / М. И. Биалов // Вопросы философии. – 2015. – № 11. – С. 204–209. – EDN UZEXXJ.

Галисон, П. Коллективный автор / П. Галисон // Вопросы философии. – 2018. – № 5. – С. 93–113. – DOI 10.7868/S0042874418050072. – EDN XNFNKX.

Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. – Москва; Санкт-Петербург; Нью-Йорк: Елима, 2006. – 1100 с. – ISBN 5-89674-020-4. – EDN RFSJJB.

Голобородько, Д. Б. Концепции разума в современной французской философии. М. Фуко и Ж. Деррида / Д. Б. Голобородько. – Москва: Институт философии РАН,

References

Bilalov M. I. Truth. Knowledge. Persuasion; Ed. by A. L. Nikiforov; North Caucasian Scientific Center of Higher School, Dagestan State University named after V. I. Lenin. *Rostov-na-Donu: Izd-vo Rost. un-ta = Rostov-on-Don: Publishing house of Rostov un-ty*; 1990. 172 p. ISBN 5-7507-0482-3.

Bilalov M. I. Problems of truth in cognitive culture : Textbook / Dagestan State University named after V. I. Lenin; *Makhachkala: Izd-vo Dag. un-ta = Makhachkala: Publishing House of Dagestan State University*; 1992. 114 p.

Bilalov M. I. Culture of truth comprehension. *Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo = Makhachkala: Dagestan Book Publishing House*; 1993. 85 p. ISBN 5-297-00991-X.

Bilalov M. I. Cognitive culture: essence and content. Achievements and modern problems of science development in Dagestan. *Makhachkala*; 1999: 246-248.

Bilalov M. I. To modeling the concept of “cognitive culture”. *Dostizheniya i sovremennye problemy razvitiya nauki v Dagestane. Makhachkala = Achievements and modern problems of science development in Dagestan. Makhachkala*; 2001: 289-296.

Bilalov M. I. On the content and essence of cognitive culture. *Trudy chlenov RFO = Proceedings of members of the Russian Philosophical Society*. Release. 9, M.; 2004: 65-68.

Bilalov M. I. Vectors of formation and comprehension of Russian self-consciousness (review of the conference). *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 2015; 11: 204-209.

Galison, P. Collective author. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 2018; 5: 93-113. DOI 10.7868/S0042874418050072.

Globalistics: An international interdisciplinary Encyclopedic Dictionary. *Moscow; St. Petersburg; New York: Elima*; 2006. 1100 p. ISBN 5-89674-020-4.

Goloborod'ko D. B. Concepts of reason in modern French philosophy. M. Foucault and

2011. – 177 с. – ISBN 978-5-9540-0183-9. – EDN RYRXVH.

Гуревич, П. С. М. И. Билалов. Постижимость истины: уловимость, объяснимость, выразимость. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2017. 337 с / П. С. Гуревич // Вопросы философии. – 2018. – № 5. – С. 217–219. – EDN UOVCD0.

Делёз, Ж. Различие и повторение / Ж. Делёз; Пер. с фр. Н. Б. Маньковской и Э. П. Юровской. – Москва: РГБ, 2007. – 1 с. – EDN QWQICZ.

Куслий, П. С. Истина, знание и корреспондентная теория / П. С. Куслий // Эпистемология и философия науки. – 2008. – Т. 16, № 2. – С. 93–95. – EDN NDAHBF.

Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). Пер с фр. А. Черноглазова. – Москва: Гнозис: Логос, 1999. – 520 с.

Лебедев, С. А. Пересборка эпистемологического / С. А. Лебедев // Вопросы философии. – 2015. – № 6. – С. 53–64. – EDN UBGQAB.

Фуко, М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук : пер. с фр. / М. Фуко; вступ. статья канд. филос. наук Н. С. Автономовой, [с. 5–30]. – Москва: Прогресс, 1977. – 488 с.

Bourdieu, P. Structures, Habitus, Practices / P. Bourdieu // The Logic of Practice. Polity Press, 1990. – Book 1.3. – Pp. 52–65.

Gibbson, W. Neuromancer / W. Gibbson. – New York: AceBooks, 1984. 271 p.

J. Derrida; Moscow: Institut filosofii RAN = Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; 2011. 177 p. ISBN 978-5-9540-0183-9.

Gurevich P. S. M. I. Bilalov. Comprehension of truth: perceptibility, explicability, expressiveness. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House, 2017. 337 s. *Voprosy filosofii* = *Questions of Philosophy*. 2018; 5: 217-219.

Deleuze J. Distinction and repetition; Trans. with Fr. by N. B. Mankovskaya and E. P. Yurovskaya. – Moscow: RGB; 2007. 1 p.

Kuslij P. S. Truth, knowledge and correspondent theory. *Epistemologiya i filosofiya nauki* = *Epistemology and philosophy of science*. 2008; 16 (2): 93-95.

Lacan J. The “I” in Freud’s theory and in the technique of psychoanalysis (1954/55). Translated from the French by A. Chernoglazov. Moscow: Gnosis: Logos; 1999. 520 p.

Lebedev S. A. Reassembly of the epistemological. *Voprosy filosofii* = *Questions of Philosophy*. 2015; 6: 53-64.

Foucault M. Words and things: Archeology of humanit. Sciences: trans. from French; intro. the article of the Candidate of Philos. of Sciences N. S. Autonomova, [pp. 5-30]. Moscow: Progress; 1977. 488 p.

Bourdieu P. Structures, Habitus, Practices. *The Logic of Practice*. Polity Press. 1990; 1.3. : 52-65.

Gibbson W. Neuromancer New York: AceBooks; 1984. 271 p.

Для цитирования: Билалов М. И. Познавательная культура: субъектные уровни, операционные механизмы и творческие продукты // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 4 (62). – С. 82–93. DOI 10.18522/2227-8656.2023.4.4 EDN SJTCFT

История статьи:

Поступила в редакцию – 24.07.2023

Одобрена после рецензирования – 29.08.2023

Принята к публикации – 01.09.2023

Сведения об авторе

Билалов Мустафа Исаевич

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой онтологии и теории
познания Дагестанского государственного
университета
mibil@mail.ru

Information about author

Mustafa I. Bilalov

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of the Department of Ontology and
Theory of Knowledge,
Dagestan State University,
mibil@mail.ru